

ТРАДИЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

О. Ф. Жилевич

*Полесский государственный университет,
ул. Пушкина 4, Пинск, 225710, Республика Беларусь, e-mail: jilevitch@gmail.ru*

В этой статье выявляются специфические черты философско-аллегорической прозы как одного из наиболее актуальных феноменов во французской литературе XX в. Раскрываются особенности функционирования в нарративе философско-аллегорической прозы Ж.-П. Сартра аллегории как художественно-эстетического средства текста и конструктивного фактора в организации прозаического целого. Представлены авторские стратегии в раскрытии художественной концепции мира и человека, в решении нравственно-этических, философских и онтологических проблем.

Ключевые слова: французская литература; философско-аллегорический роман; экзистенциализм; Сартр; аллегория; тошнота; бытие.

TRADITIONS OF EXISTENTIALISM IN THE PHILOSOPHICAL-ALLEGORICAL NOVEL

O. F. Jilevich

*Polesky State University,
Pishkina str., 4, Pinsk, 225710, Republic of Belarus, e-mail: jilevitch@gmail.ru*

The article is devoted to the identification of specific features of the philosophical and allegorical prose, as one of the most relevant phenomenon in French literature of the XX century. The article reveals the peculiarities of the functioning of the allegory in the narrative of J.-P. Sartre's philosophical and allegorical prose as an artistic-aesthetic means of the text and a constructive factor in the organization of the prose. Author's strategies are presented in the disclosure of the artistic concept of the world and man, in solving moral and ethical, philosophical and ontological problems.

Keywords: French literature; philosophical and allegorical novel; existentialism; Sartre; allegory; nausea; being.

Философская проза – одно из актуальных явлений в XX века. В ней отразились глубинные художественно-эстетические и идейно-духовные процессы эпохи. Господствующие в разное время позитивистские и иррационалистические течения способствовали процессу формирования и функционирования широкого спектра самых разнообразных повествовательных модификаций философской и, в частности, философско-аллегорической прозы [1, с. 66].

Философско-аллегорическая проза сочетает в себе философскую и художественную парадигмы, их разнохарактерные виды действительности объединяются в ней общими качествами. В основе

такой прозы лежит художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории по образно-понятийным принципам отражения мышления соответствующей эпохи.

По мнению многих авторитетных исследователей, наиболее широкую распространенность философско-аллегорическая проза приобрела во французской литературе [2–5]. К ее жанровым и повествовательным формам обращались и продолжают обращаться в своем творчестве самые известные писатели XX в., такие как А. Франс, Р. Роллан, А. Жид, М. Пруст, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, Веркор, Р. Мерль, П. Модигано, Р. Гари, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен, П. Констан, П. Киньяр, Б. де Бушерон.

Творчество Ж.-П. Сартра (*J.-P. Sartre, 1905–1980*) представляет собой оригинальный художественный опыт создания жанровых форм философско-аллегорической прозы, в которой преломляются трагические события прошлого века и раскрывается проблема сущности человека, его нравственного облика.

Несмотря на значительное количество критических работ, посвященных творчеству романиста, философско-аллегорический аспект творчества Ж.-П. Сартра недостаточно изучен, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель настоящего исследования – выявить специфические черты философско-аллегорической прозы в творчестве Ж.-П. Сартра (на примере произведения «Тошнота»).

В романе «Тошнота» (*La Nausée, 1938*) писатель Антуан Рокантен приезжает в город Бувиль, с тем чтобы в местной библиотеке поработать с историческими документами XVIII века об авантюристе маркизе Ролебоне. В свое время его биограф испытывал странные состояния – головокружение, тошноту, а позже и рвоту. Когда он начал искать причины появления этих явлений, то пришел к мысли о кризисе собственного сознания, об определенном переломе в своем мироощущении, мировосприятии и миропонимании. Он воспринимал все, что его окружало, как нечто чуждое сознанию. Так актуализировалось убеждение о чуждости мира человеку, о случайности бытия, в котором все обречено на существование.

Категория существования художественно воплощается в аллегории *тошноты*, которая, как в мифологическом сознании, олицетворяется в физиологически, физически ощутимой субстанции. Рокантен чувствовал ее зримо, физически, носил как тяжелое бремя, (метафора, в архаической культуре имела прямое значение, именно так первобытный человек представлял «бремя на душе» – в конкретных природных проявлениях,

так же ее чувствовал герой Ж.-П. Сартра. Автор пишет: «Когда он (герой) видел вещи, людей, он как бы держал в ладонях тошноту, как держат камень» (перевод наш – О. Ж.) [6, с. 43]. Все вещи, с которыми он сталкивался лицом к лицу, имели для него единственное значение – они были «материей» и пронизывали насквозь экзистенцию самого героя, становились его частью, ведь «вещь перерастает свою вещьность» и начинает жить, действовать, быть вещью» и в духовном пространстве [6, с. 94]. Так же, как в метафорическом сознании, вещи «оживают», приобретают неестественные, фантасмагорические очертания, предстают в виде уже не вещей, а липких, отвратительных субстанций, «распухших опухолей студенистой консистенции» [6, с. 36], которые все больше затягивают героя в состояние существования.

Собственное тело Рокантена, которое существует как «мертвая вещь», стало мерной единицей состояния тошноты. Он наблюдает все физиологические и физические реакции своего тела на бесчисленные внешние раздражители, а ими выступает все, что «существует», причем оно не просто раздражает, а вызывает отвращение, которое приобретает в тексте гиперболизированные, гротескные метафорические формы. Лицо «примитивнее обезьяны. Это где-то на грани растительного и животного миров, где-то на ступени полипов» [6, с. 20]. Люди в воображении героя «демонизируются», наделяются специфическими чертами, которые вызывают отвращение («огромные ноздри», голова «пса» и т.д.). Герой выворачивает наружу пошлость обыденной жизни, её неэстетичные проявления, видит материю «не выборочно», а во всех ее тайных подробностях, которые объемно возникают в понятиях плохого и жуткого. Люди, к примеру, гуляют по побережью моря, а настоящее море, «холодное и черное, оно кишит животными ...» [6, с. 130], – таким образом герой основывает свой своеобразный ракурс видения (здесь напрашивается прямая аналогия смысловой канвы картины Дали, в которой герой, заглядывая под «одеяло» моря, тоже видит его неприглядный «вид»).

В понятиях «плохого» рассматривается героем и цветовая гамма материального мира. Раздражает избыточность желтого цвета: трамвай – желтый, дом – желтый, пиво – желтое. Раздражает, что этот ряд можно умножать до бесконечности. Раздражает и какое-то цветное несовершенство в окружающей среде, например, заметным наблюдением является цвет одежды одного завсегдатая кафе – голубая рубашка, сиреневые подтяжки; волна синего, голубого накатывается, но недостаток фиалкового – и это некое неуверенное состояние вызывает позывы

тошноты. «Становитесь фиалковыми» – мысленно хочет завершить цветную картину герой.

Аллегория *тошноты* приобретает тотальный характер, Рокантен чувствует постоянное давление плохого материального мира. «Она (тошнота) окружила меня, одинокого, безмолвного, беспомощного...» [6, с. 44]. Материя – это апокалипсис человеческого бытия. Ж.-П. Сартр рисует картину, когда и первая природа, и вторая – чужая человеку культура – не просто противостоят ей, а содержат в себе большую угрозу ее жизни. Природа однажды может «запульсировать», и тогда появятся жуткие картины существования. Вдруг кто-то откроет рот и увидит, что «его язык стал огромной живой сороконожкой» [6, с. 163], и тому подобное. И город – вторая природа (как культура) может стать первой природой: «Какой же он естественный, этот город» [6, с. 164]. Подобная картина станет предостережением для многих современных «оптимистов» (ведь Чернобыль, раковые метастазы, а в последнее время и «город» – реалии на наших глазах создали типично «экзистенциальную ситуацию» в аллегорическом смысле «тошноты»).

Тотальность бытия, которая представляет материальный мир, безличная стихия природного, по мнению Ж.-П. Сартра, пытается поглотить человека с его креативным сознанием. Такую же функцию осуществляет и сам человек в состоянии его существования – когда в нем превалирует природное начало – тело. Итак, сознание человека, по Ж.-П. Сартру, всегда находится в состоянии кризиса, поскольку каждый раз попадает в тиски враждебного к ней бытия.

Существование, тошнота – это я сам, заключает герой, «слабый, уставший, отвратительный сам себе, существо, которое переваривает пищу и плывет на волнах серых мыслей» [6, с. 73]. Чувствуя враждебность мира, где он «лишний», Рокантен называет причину этой враждебности, а затем и тошноты, – это абсурдность бытия. Экстремальная категория абсурдности, указывая на «случайность бытия», и становится основной причиной тошноты. «Странная минута. Неподвижный, застывший, я поместился в зловещий экстаз ... я понял тошноту, овладел ею ... я не пытался сформулировать свое открытие ... Суть его – случайность ... Беспричинно все ... и я сам. Когда это к тебе приходит, тебя начинает тошнить и все плывет» [6, с. 134]. Кстати, *Абсурдность*, как и *Тошнота*, в тексте романа пишутся с заглавной буквы, что указывает на смысловую нагрузку этих понятий. Существование, следовательно, всего и вся, случайно, а потому абсурдно.

Ж.-П. Сартр, поддерживая многих западных писателей, авторов философских романов, подтекстом вступает в полемику с основными

положениями философии Ницше: «Нашлись недоумки, что забивают вам голову жадной власти и борьбой за жизнь» [6, с. 134].

Итак, какое значение приобретает аллегория тошноты по мнению Ж.- П. Сартра? Это случайность и абсурдность мира («день подгоняется ко дню без всякого смысла, это скучное бесконечное добавление» [6, с. 42]), которое преодолевается человеком прорывом в своей сущности, которую чувствуешь, осознав себя как Ничто, что предоставляет свободу выбора возможностей в получении самого себя.

Ж.- П. Сартр перефразирует гамлетовский «быть или не быть?» на «существовать или не существовать?». Существование связано с материей, вечной, несотворимой и неразрушимой, неутомимое самодвижение которой, ее неисчерпаемость приводит к апокалипсису; бытие же Ж.- П. Сартр связывает с сознанием человека, оно становится его носителем: очеловечивая имеющийся единый и целостный мир, человек существует, то есть он есть, он прежде всего человек, бытие, а не материя, существование. Если не я, то существование – ничто, пустота, если не я – то *ex nihilo nihil*. Ж.- П. Сартр преодолевает метафизический взгляд на бытие, где бытие противопоставляется сознанию.

Библиографические ссылки

1. Жилевич О. Ф. Философско-аллегорическая проза А. де Сент-Экзюпери: специфические черты // Журнал Белорусского государственного университета. Филология : научно-теоретический журнал. 2019. № 1. С. 65-71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38515494> (дата обращения: 18.04.2021).
2. Brunel P. La littérature française aujourd'hui. Paris: Vuibert; 1997.
3. Combe D. Les genres littéraires. Paris: Hachette; 1992.
4. Damas X. Terres littéraires Français 2 de. Paris: Hatier; 2006.
5. Viart D. Le roman français au XXe siècle. Paris: Hachette; 1999.
6. Sartre J.-P. Nausées. Paris:Éditions Gallimard, 2009.